

Алексей Тихонов

Семь тоненьких ниточек

Свет приближался. Восторг и благодать наполняли душу, выплёскиваясь через край звоном весенних ручьёв. Счастье ласкало тёплыми мамиными руками. Любовь накатывала баюкающим океанским прибоем. Ближе, ещё ближе! Прими меня...

Снова стол и два стула. Как пробуждение с жестокого похмелья... На этот раз, комната для допросов из Бутырского каземата? Да, с фантазией у них напряжёнка... Хотя, в прошлый раз остроумно было — кабинет психиатра призывной комиссии райвоенкомата. Собеседник в выдавшем виды сером костюме, несвежей рубашке. Ввалившиеся глаза буравят, выворачивая душу наизнанку. Хочется признаться немедленно и во всём. Ни дать, ни взять — тёртый опер, сцапавший, наконец-то, неуловимого домушника. Антураж однако... Суета всё... Паяцы! Кто бы мог подумать, что ЗДЕСЬ может цвести лицедейство?! Даже противно... Впрочем, всё равно.

— Ну, что, гражданин Сизиф? — «следак» гаденько улыбается. — Не устал свой камень таскать? Или как на этот раз? Господин Сизиф?

— Всё равно... — устало пожимаю плечами. Закуриваю. — Разрешите?

Разрешает. Еле заметный кивок головы — и снова пронизывающий взгляд.

— Неужели снова пойдёшь? — в глазах изумление. Хоть одна искренняя эмоция в этом шапито.

Киваю. Отворачиваюсь.

— Ты хоть определился, к чему ты идёшь?

Снова эти глаза. «Чёрт бы тебя побрал!» Ой...

— Да ладно... Тебе можно. Тебе уже многое можно... Ну так?

— Чего «ну так»?... Я тебе ещё в первый раз сказал, что к Свету! Просто, не сложилось пока...

— Не сложилось! — «следак» заливается смехом. Таким, от которого хочется схватить стул и что есть силы приложить им по блестящему черепу. Нельзя... — Не сложилось! А складывал? «ТипА не срАслоОсь»?

Оскорбительный жест пальчиками. Завожусь. Остываю. Он прав.

— Да ладно тебе... — уже почти по-дружески. Только что, по плечу не похлопал... — Хорош! Не дури! Давай я сам к Старiku схожу. Минимум — Покой! Гарантирую!

Качаю головой. Затягиваюсь.

— Я хочу Свет!

— Тьфу ты! — «следак» вскакивает, оббегает вокруг стола. Что-то новенькое... — Ты ж пятый раз пришёл! Пятый! Сталкер хренов! Встречай

тебя, описывай, оценивай, ходатайствуй! От «чёрных» отбивай-вымаливай! Да пошёл ты к чёрту!

Вот те раз! Вообще-то, не хотелось бы... Кто-то, только что, минимум, «покой» гарантировал...

— Разрешите память оставить! — иду ва-банк. Обалдеваю от собственной дерзости. Сейчас допрыгаюсь — так зашлют, что мало не покажется... Но, «следак» на удивление спокоен.

— Память? И что же ты помнить собрался? Может быть, Любовь? Машу, из третьего рейда?

А вот это уже слишком! Кулаки сжимаются, тело становится сжатой пружиной, готовой мгновенно распрямиться, вцепиться ему в глотку. Не успеваю. Волны памяти сбивают с ног и размазывают об стену.

Лучистые серые глаза. Пшеничная коса до пояса. Точёная фигурка. Лёгкий ситцевый сарафан в зелёный горох. Первая встреча.

— Девушка, я тут просрочил немножко... — слова застревают в горле, непослушный язык приклеился к нёбу. — Вот эти сдаю... А Блока мне бы продлить... Как?

— Блока никак не могу... — смущённо улыбается. — На него большая очередь. Никак... Но, у нас один экземпляр в читальном зале всегда имеется. Приходите!

— Приду! — голова кругом...

Что такое со мной? Ведь, не мальчик уже... Как-никак — мастер сборочного цеха! Не по благу, сам пробился. Недавно даже портфель купил — жаль класть туда пока нечего. Ну, пусть так, для форсу будет... И, в библиотеку-то пришёл за справочниками! Блока так, до кучи взял. А вот поиди ж ты... Сам не свой!

Волны откатываются и налетают с новой силой...

— Мариночка, знакомься, это — дядя Серёжа. — те же лучистые глаза светятся счастьем. — Он тебе понравится, он очень хороший!

— Здравствуйте! — ужасно важная пампушка с копией маминой пшеничной косы протягивает руку для приветствия.

— Какая ты большая! А мама говорила, что тебе только пять!

— Скоро шесть! — разворачивается и топает в сторону кухни. — Пойдёмте чай пить — бабушка вас заждалась!

— Не бойся, — Маша шепчет еле слышно, в самое ухо. — Пойдём знакомиться! Она только с виду строгая. А на самом деле — очень добрая. Не тушуйся, идём!

Нет сил терпеть — память будто ошпаривает крутым кипятком.

— Если ты не говоришь, я буду стрелять. — обер-лейтенант демонстративно дёргает затвор на вальтере. — Но, не в тебя. Вначале — в неё.

Мариночка уже совсем не пампушка. Худенький заморыш с раздувшимся от голода животом. Босая на цементном полу подвала, в короткой грязной рубашонке. Вопящий ужас в Машиных глазах. В одном глазу — второй почти не виден под разбухшей бровью.

Интересно, что за сволочь их выдала? Если случится чудо и выберусь — найду! И тогда — пожалеет, что на свет родился!

Не случится... Не выбраться...

Кто же стуканул немцам, что они — мои? Ведь, не успели же расписаться! Всё как-то Клавдия Ефимовна крутила да затягивала... Приболела. Сестру надо съездить проведать. Майские наступают — кто ж в мае свадьбу играет? Маяться хотите?

Нет её больше. В ушах до сих пор стоит Машин крик, когда тот же вальтер на счёт «три» выплюнул кусочек свинца и Клавдия Ефимовна грузно осела, повалившись вперёд.

Чёрт, как нелепо всё! Ведь, ещё позавчера всё было легко и понятно, а потом покатилося... Нет, началось просто отлично — все три пролёта моста дружно нырнули в ледяные, свинцовые воды Березины. Вместе с поездом — редкое везенье... Но, уж больно ветренная она особа — Госпожа Удача. Как так получилось, что каратели перерезали все пути отхода и стали сжимать кольцо, никто так и не понял. Прижали к той же Березине. Табельный ГТ быстро оказался пустым. Ведь, говорил же! «Батя», чтоб его! Заботливый!!! «Подрывнику автомат не полагается, у тебя и так груз тяжёлый!»! А все, кому полагался — и мяукнуть не успели. Не больше минуты действие заняло... Думал, конец! Прощевайте, братцы... Последний патрон оставлять не стал — в кармане граната. С духом собрался, кольцо выдернул да усы разжал. Герой! Каратели врассыпную! А она пошипела, да только щёлкнула.

— Раз! — фриц на меня даже не глядит. На Машу смотрит. А она — на меня. Просто смотрит. Молча. Лучше бы кричала, вопила! Молчит.

— Два!

Маша раненой пантерой взвивается из угла. Хватает Маринку, на пол с ней падает. Пытаюсь вскочить. Получается не очень — с переломанными ребрами и сломанной ногой особо не попрыгаешь...

Снова сшибают с ног и пару минут топчут. Ну и славно! Главное — не их!

Обер-лейтенант хохочет. Ствол вальтера снова упирается в Маринкин затылок. Маша не плачет и не кричит — я не знаю, как называется этот звук. Я никогда не слышал такого звука от человека.

— Стойте. Не стреляйте! Буду говорить.

Маша тихо опускается на пол. Губы что-то шепчут. Не разобрать...

Зачем меня туда везут? Я ведь, всё рассказал! И про основную базу в Барсучьем Логе и про резервную... Впереди стрельба. Фрицев много, не укрыться. Несколько колец сжимаются. Полчаса, час... Ухнуло так, что земля затряслась. Парни пока стреляют, но всё реже и реже. Похоже, только Семён ещё отбивается — пулемётчик знатный, такого с кондачка не возьмёшь. Прости меня, друг мой закадычный... Простите, люди!

Стихло всё. Снова везут вперёд, на территорию базы. Трупы повсюду. Мужчины, женщины, старики... Несколько немцев... Витя-гитарист, чубатый парнишка, лет пятнадцати, привалился к старой сосне. Ещё дышит... Несколько баб стоят, нахохлившись возле места, бывшего некогда «батиной» землянкой. Сейчас на её месте большая воронка. Не сдался «Батя», не

пропали даром три ящика тола.

Бабы, заметив меня, молча провожают взглядом. Тем взглядом, после которого ничего уже не нужно говорить. Зачем меня привезли сюда? Я ведь всё сказал, показал на карте, объяснил где схроны! Зачем я здесь?!

Витя разжимает кулак, из которого выкатывается граната. Спасибо, братишка...

«Опер» ухмыляется. Вжился в роль... Военкомом, правда, веселей смотрелся.

— Ну, что? Память точно оставить? Я может и уговорю Старика... Но, только всю! Готов?! То-то...

Мои плечи сами собой опускаются. Как будто на них бетонными плитами расположились все пять прожитых жизней. Хотя, почему «как будто»? Так и есть... Вся память — действительно, неподъёмная ноша.

— Решил быть Благоразумным? — «опер» довольно прищуривается. — Ну и правильно... Молодец!

Память снова завладевает моим сознанием. Пока — плещется у ног летней деревенской речкой...